

Языковая игра и обманутое ожидание

Светлана Донгак

КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, РОССИЯ

Термин «языковая игра», принадлежащий австрийскому философу Людвигу Витгенштейну, в современной науке получил двойное толкование: первое – широкое, философское (вслед за автором), второе – узкое, собственно лингвистическое.

Языковая игра, в витгенштейновском понимании, – это не то, что делают люди, когда хотят развлечься. Л. Витгенштейн первым как философ заметил казалось бы вполне тривиальную вещь, что люди общаются не только повествовательными предложениями, но и отдают приказы и выполняют их, описывают объекты, выдвигают и проверяют гипотезы, играют в театре, распевают хороводные песни, острят, решают арифметические задачи, просят, благодарят, проклинают и т.д. То есть существует бесчисленное множество типов предложения, и все это входит в человеческий язык: «... бесконечно разнообразны виды употребления всего того, что мы называем «знаками», «словами», «предложениями». И эта множественность не представляет собой чего-то устойчивого, раз и навсегда данного, наоборот, возникают новые типы языка, или, можно сказать, новые языковые игры, а другие устаревают и забываются.<...> Термин «языковая игра» призван подчеркнуть, что говорить на языке – компонент деятельности или форма жизни» (3; далее – ФИ, ч. I, 23).

Таким образом, по Л. Витгенштейну, вся человеческая жизнь представляет собой совокупность языковых игр: «Языковой игрой» я буду называть также единое целое: язык и действия, с которыми он переплетен» (ФИ, ч. I, 7). Он считал, что философия находит свои корни в сложных лабиринтах языка и представляет собой «вслушивание», «всматривание» в его работу, что в языковых реалиях заключена бездна человеческих проблем. Его философские искания проникнуты присущим именно ему пристальным вниманием к языку и стремлением переосмыслить на этой основе предназначение философии.

Рассматривая языковую игру, Л. Витгенштейн также пытается понять, что такое «игра» вообще. Он пишет: «Рассмотрим, например, процессы, которые мы называем «играми». Я имею в виду игры в карты, с мячом, борьбу и

т.д. Что общего у них всех? <...> ... глядя на них, ты не видишь чего-то общего, присущего им *всем*, но замечаешь подобия, родство, и притом целый ряд таких общих черт. <...> ... мы могли бы перебрать многие, многие виды игр, наблюдая, как появляется и исчезает сходство между ними. <...> ... мы видим сложную сеть подобий, накладывающихся друг на друга и переплетающихся друг с другом» (ФИ, ч. I, 66). Эти сходства философ называет “семейными”, “ибо так же накладываются и переплетаются сходства, существующие у членов одной семьи: рост, черты лица, цвет глаз, походка, темперамент и т.д. и т.п. – И я скажу, что “игры” образуют семью” (ФИ, ч. I, 67). Далее Витгенштейн рассуждает о “размытости” понятия “игра”, о невозможности определения его границ в силу того, что разные употребления этого слова имеют расплывчатое “фамильное сходство”, а не четко определенный универсальный набор признаков, присущий всем без исключения играм. Можно описывать примеры разного рода игр, показывать, как по аналогии с ними могут быть сконструированы всевозможные типы других игр, но, как утверждает Витгенштейн, нельзя дать точное определение понятию “игры” и установить его четкие границы.

Долгое время идеи Витгенштейна принимались как догма, пока за их критику не принялась Анна Вежбицка. Несмотря на все свое почтение к философу¹, Вежбицка пытается “СДЕЛАТЬ “невозможное” (в понимании Витгенштейна) – пытается определить понятие “игра”. Она предлагает следующее толкование:

“ ИГРЫ

- а) многое, что делают люди;
- б) люди делают это в течение долгого времени;
- в) люди делают это ради удовольствия (т.е. они хотят испытать какие-то хорошие чувства);
- г) когда они делают это, они хотят, чтобы что-то произошло;
- д) если бы они не делали это, они бы не хотели, чтобы что-то произошло;
- е) когда они делают это, они должны знать, что им можно делать;
- ж) когда они делают это, они должны знать, чего им нельзя делать;
- з) прежде чем люди делают это, кто-то должен им сказать это” (2, С.214).²

Анна Вежбицка считает, что такое толкование вполне приложимо ко множеству видов деятельности, называемых “играми”, но оно “не рассчитано на то, чтобы охватить случаи метафорического переноса, иронических и юмористических употреблений и проч.” (2, С.227).³

Таким образом, Вежбицка опровергает утверждение Витгенштейна о невозможности установления границ понятия “игра”: “На самом деле границы

¹ А. Вежбицка писала, что «в работах Витгенштейна содержатся самые глубокие и пронизательные наблюдения над языком, какие только можно найти» (2, С. 214).

² «Компонент (а) означает, что игры относятся к человеческой деятельности, причем существует много разных видов игр. Компонент (б) – что игры не мгновенны, а имеют продолжительность, (в) – что играют в них для удовольствия, (г) – что в игре есть особая цель и задача, (д) – что эта цель не имеет никакого смысла вне игры, (з) – что игры подразумевают определенные правила, а (е) и (ж) – что участники знают эти правила» (2, С.214).

³ Т.е. «расширительное употребление должно быть отграничено от основного значения (которое объясняет как «нормальное» употребление слова, так и любые переносные)» (2, С.227).

существуют, причем в разных языках они проведены по-разному, и носитель языка интуитивно знает и соблюдает эти границы” (2, С. 214). В качестве примера она приводит отличия понятий, выражаемых английским словом “game” и немецким словом “Spiel”.⁴ Вежбицка утверждает, что понятия, заключенные в словах естественного языка, в определенном смысле, размыты, но это вовсе не значит, что и их семантическое описание должно быть размытым.

В языкознании существует множество работ, в которых так или иначе затрагиваются разные аспекты языковой игры (см., напр., труды В.В. Виноградова, А.Н. Гвоздева, Е.А. Земской, Т.А. Гридиной, Э.М. Береговской, Ю.И. Левина, Б.Ю. Нормана, Е.В. Падучевой и др.). Если для Витгенштейна весь язык в целом предстает как совокупность языковых игр, то в лингвистике не все так “просто”. Под общим термином “языковая игра” объединяются все “явления, когда говорящий “играет” с формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное” (5, С.172). Результатом особого внимания говорящего к форме речи являются осознанные отступления от нормы. Сюда можно отнести все виды шуток, острот, каламбуров, разные виды тропов. Языковой игрой являются все случаи использования продуцентом речи средств языковой выразительности. Диапазон явлений языковой игры весьма широк. Говорящий, играя, ставит перед собой прежде всего задачу “развлечь себя и собеседника, а для того выразиться необычно” (5, С.174).⁵ Языковая игра, таким образом, - это обращение внимания при построении высказывания на саму форму речи с целью не просто сообщить что-либо, а вызвать то или иное эстетическое чувство (чаще всего это установка на комизм). Т.В. Бульгина, А.Д. Шмелев отмечали: “Для того, чтобы правильно понять намеренную аномалию, важно установить, с какой целью говорящим допущено отклонение от норм. При этом следует иметь в виду, что нередко сходные нарушения допускаются с совершенно разными целями” (1, С.104).

Наиболее фундаментальным исследованием, посвященным языковой игре, является, пожалуй, книга В.З. Санникова “Русский язык в зеркале языковой игры”. В ней автор рассматривает языковую игру как вид лингвистического эксперимента, позволяющего натолкнуть исследователя на серьезные размышления о значении и функционировании языковых единиц разных уровней, точно так же, как философа – на глубокое осмысление бездны человеческих проблем. Он отмечает, что “языковая игра, как и комическое в целом, - это отступление от нормы, нечто необычное”, что именно как нечто патологическое она “ясней всего поучает норме” (9, С.13). Автор также обращает внимание на то, что это отступление от нормы должно четко осознаваться и намеренно допускаться говорящим (пишущим); слушающий (читающий), в свою очередь, должен понимать, что “это нарочно так сказано”, чтобы не оценить соответствующее выражение как ошибку, тем самым он принимает эту игру и пытается вскрыть глубинное намерение автора. Иначе говоря, языковая игра – это наме-

---

⁴ “Game”, в отличие от “Spiel”, обязательно включает в себя идею правил и идею четко определенной цели. Немецкое слово имеет более широкий диапазон употреблений (как, впрочем, и русское слово *игра*). Так, например, если ребенок бесцельно бросает мяч в стену и ловит его, то по-английски это занятие и не называли бы игрой (game). Это будет скорее “playing”.

⁵Ср. с пониманием Витгенштейна.

ренное использование тропических и фигуральных возможностей языка.⁶ Спорным представляется заявление исследователя о невозможности проведения четкой границы между языковой игрой и языковой шуткой, при том, что последнюю он понимает как “словесную форму комического”. Несомненно, языковая игра в основном направлена на достижение комического эффекта, однако высказывание приобретает комическую окраску только в том случае, если оно не вызывает других, более сильных эмоций, препятствующих созданию комического эффекта. По нашему мнению, можно вполне определенно говорить о языковой шутке именно как о разновидности языковой игры, направленной исключительно на создание комического эффекта. В то время как языковая игра – это своего рода манипулирование языком, и достижение комизма – далеко не единственная цель такого манипулирования. Из той же книги В.З. Санникова приведем пример, когда языковая игра используется не с целью насмешить, а с установкой убедить судей в невиновности человека, тем самым спасти его:

“... один петербургский адвокат (Ф.Н. Плевако?) выступал по делу об убийстве мальчика. Убийца (25-летний горбун) признал, что он убил дразнившего его мальчика. И адвокат добился для убийцы оправдательного приговора! Свою речь он построил так. “*Господа! Господа! Господа! Господа!*...” – и так несколько минут. И реакция зала менялась – сначала легкое недоумение, потом смех, потом негодование, крики: “*Это издевательство! Вон!*” И тогда адвокат закончил свою речь: “*Так вот, господа. Вы пришли в бешенство оттого, что я повторял вежливое обращение к вам. А мой подзащитный 25 лет выслушивал, как ему кричали “Горбун”, без конца напоминая о его несчастье*” (9, С.43).

Здесь, на наш взгляд, речь идет о языковой игре, но никак не о языковой шутке.

Каждый день люди общаются при помощи языка, при этом в зависимости от той или иной ситуации они производят тщательный отбор языковых средств, тем самым уже вступая в “игру”, имеющую определенные правила (напр., знание системы единиц языка, норм их использования и способов творческой интерпретации этих единиц, знание норм речевой коммуникации и т.д.). “Мысль может найти выражение в общем в различных разговорных формах – следовательно, в словах, - которые могут очень верно передавать ее” (11, С. 12-13). Разное выражение (форма) мыслей приводит к разным результатам. Любое говорение на языке, при котором более-менее обращается внимание на форму речи, будет языковой игрой. А вот цели у этой игры могут быть самые разные, и в зависимости от конкретной задачи говорения можно определять вид языковой игры. Необходимо отметить, что для адекватного понимания языковой игры адресатом автор должен учитывать наличие определенных знаний у реципиента, а также то культурное пространство, в котором происходит коммуникация.

Что касается связи языковой игры с обманутым ожиданием, то здесь необходимо обратиться к некоторым положениям психологии речевосприятия.

---

⁶ Ср. данное положение с тем, что говорится в определении речевой фигуры, например, И.В. Пекарской: “Речевая фигура определяется нами как намеренное или ненамеренное, но целесообразное отклонение от нормативного речевого высказывания <...> с целью создания прагматического эффекта или без расчета на него” (6, С. 243).

Исследователи отмечают, что в структуре поведения человека можно выделить его способность использовать информацию, имеющуюся в его прошлом опыте, для прогноза предстоящей ситуации. Это справедливо и для воспринимающего языковую игру. Одни события (а в нашем случае - высказывания) ожидаются с большей вероятностью, другие - с меньшей, при этом субъективная вероятность ожидаемого события может не совпадать с объективной. Чем более неожиданна ситуация для человека, тем сильнее эмоциональное потрясение, переживаемое им. Это происходит по закону количества информации, открытому К.Э. Шенноном. Как известно, закон этот гласит, что наибольшую информацию несут нарушения ожидаемого порядка. Психологи подтверждают его тезисом о том, что все необычное привлекает больше внимания и лучше запоминается.

Интересно, что теория “обманутого ожидания” (или “неоправдавшегося ожидания”) возникла при изучении проблемы комического, над которой более двух тысячелетий бьются лучшие умы человечества (прежде всего философы и психологи). Т. Гоббс первым выразил мнение, что в комическом существенную роль играет момент внезапности: “Вероятней всего мы смеемся над самой остротой, в которой <...> наличествует неожиданное, парадоксальное и в то же время верное наблюдение” (цит. по: (4, С.15)). И. Кант подхватывает эту линию: “Смех есть аффект от внезапного превращения напряженного ожидания в ничто” (цит. по: (4, С.19)). Т. Липпс добавляет к сказанному наличие “закона психического затора”, являющегося основой всякого удивления и интереса. Суть его в следующем: мы ожидаем одной ценности, но внезапно возникает другая, не соответствующая данной ситуации; эта подмена пробуждает интерес в силу своей необычности, способствует концентрации “психической энергии” или, говоря иначе, создает “психический затор”, освобождением от которого является, как правило, смех. Датский психолог Г. Гефдинг основой всех форм комического считал контраст, возникающий “оттого, что внезапно сталкиваются две мысли и два впечатления, из которых каждое само по себе вызывает чувство, но так, что одно разрушает, что построило другое” (цит. по: (4, С.23)). Можно было бы и дальше продолжать выкладки приверженцев теории обманутого ожидания, но, как нам кажется, суть ее вполне ясна. Данная теория (как и все теории комического) содержит некое рациональное зерно и вносит большой вклад в исследование неразрешенной проблемы комического.

Однако теория обманутого ожидания справедлива не только для комических ситуаций. Так, например, каждый может вспомнить случаи, когда напряженное ожидание превращается в ничто, вызывая лишь чувство облегчения и расслабления, а может, даже разочарования, не имеющего ничего общего с комическим. В окружающем человека мире присутствуют элементы единообразия, которые типизируют его поведение, т.е. подчиняют нормам, выработанным и принятым в сообществе (действует т.н. механизм стереотипизации). Обманутое ожидание связано с нарушением всякого рода стереотипов, представлений о “нормальном” положении дел.⁷ и строится оно на контрасте между психическим состоянием, вызванным ожиданием, и тем, что оно не оправдалось, результатом чего может быть проявление весьма широкого спектра чувств – от самых радостных до самых печальных, а порой даже трагических.

⁷ Это могут быть стереотипы социальные, стереотипы мышления, поведения, языковые стереотипы и т.д.

В случаях языковой игры также рушатся наши представления о привычных понятиях. Так, в примере *Он был элегантен и пьян* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев.) в однородный ряд совершенно неожиданно объединяются слова, характеризующие предмет с разных сторон (внешний вид и состояние). Это так называемая зевгма, которая заключается в соединении разноплановых элементов в качестве однородных членов, что обычно привлекает внимание и создает комический эффект. Подобное же эффект производят необычные определения или сравнения: *Малопьющий – это тот, кто пьет, пьет, и ему все равно мало*.

Но не всякие необычность и неожиданность направлены на комизм. Заголовок *“Сын просил поесть, и я его... ПОВЕСИЛА”* («Комсомольская правда», 30 января 1998 г.), построенный по принципу обманутого ожидания, вызывает оцепенение и шок, заставляя задуматься об ужасе сложившейся в стране ситуации.

Иногда жизнь вносит коррективы в значения уже существующих слов. Возьмем название публикации в «Комсомольской правде» (25 июля 1992г.): *“На Кубани началась уборка”*. Вполне тривиальный заголовок, который, наверно, можно было бы встретить в любой газете советского периода. Обратившись к собственно тексту статьи, а начало публикации гласит: *“Первым решили **убрать** губернатора.”*, мы понимаем, что речь-то идет совсем о другом – о криминальных “разборках”.⁸

Часто фигуры, построенные по принципу обманутого ожидания используются с целью изображения парадоксального (раздвоенного, внутренне противоречивого) мира, а также для передачи столь глубокой истины, какую нельзя выразить непротиворечивым образом: *Чем легче учителю учить, тем труднее ученикам учиться* (Л.Н. Толстой); *Говорите правду – и вы будете оригинальны* (А. Вампилов).

В настоящее время можно встретить широкое использование обманутого ожидания в текстах рекламы⁹, объявлений. Конструкции с обманутым ожиданием являются мощным фактором привлечения внимания и производят сильный воздействующий эффект, что особенно необходимо названным жанрам. По этому же принципу строятся некоторые открытки.¹⁰ Для удержания внимания адресата здесь является элемент интриги, тайны.

В.З. Санников в своей книге наряду с теорией обманутого ожидания упоминает также о теории т.н. “комического шока”, которая, по мнению автора, является прямо противоположной теории обманутого ожидания.¹¹ Между тем приведенные автором примеры служат прекрасными иллюстрациями именно обманутого ожидания. Ср.:

Истинный джентльмен всегда поправит галстук, если мимо канавы проходит женщина (1).

⁸ Пример позаимствован у проф. А.П. Сковородникова.

⁹ Вспомните, например, рекламный ролик, в котором говорится о белокуром шведе высокого роста и т.д. Оказывается, что речь шла о холодильнике «Elektrolux».

¹⁰ На первой странице таких открыток представлена часть текста (например, «Запомни, подруга, не в деньгах счастье...»), а на второй – совершенно неожиданная его концовка (в нашем примере: «... а в мужчине с деньгами»).

¹¹ Смысл ее таков: явление внешне удивительное оказывается естественным и понятным

Ноздрев был в некотором отношении исторический человек. Ни на одном собрании, где он был, не обходилось без истории (Н. Гоголь. Мертвые души. Т.1). (2).¹²

Можно говорить о том, что эти теории являются как бы разными сторонами одной медали. Перед нами предстает то одна, то другая из этих сторон. Так, например, проезжая по г. Новосибирску, на одном из магазинов мы прочитали: “Леди Развал”. Удивление побудило нас вновь обратиться к вывеске. Но оказалось, что название магазина не столь шокирующее: “Леди Равал”. На наш взгляд, здесь мы испытали комический шок. То же самое можно отнести к случаям описок, оговорок, нечаянных ошибочных прочтений.

Литература

1. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Аномалии в тексте: проблемы интерпретации // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. М., 1990.
2. Вежбицка А. Прототипы и инварианты // Вежбицка А. Язык, Культура. Познание. М., 1997.
3. Витгенштейн Л. Философские исследования (ФИ) // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч.1. М., 1994.
4. Дземидок Б. О комическом. М., 1974.
5. Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Языковая игра // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983. С. 172-214.
6. Пекарская И.В. Контаминация в контексте проблемы системности стилистических ресурсов русского языка. Ч.1. Абакан, 2000.
7. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре. М., 1999.
8. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М., 1997.
9. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.
10. Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики. Горький, 1975.
11. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. Минск, 1999.

---

¹² Пример (1) дается как иллюстрация теории обманутого ожидания, а (2) – теории комического шока. На наш взгляд в обоих примерах работает один и тот же механизм - наличие возникновения второго плана, резко контрастирующего с первым: слушатель заманивается на ложный путь, а потом маска сбрасывается. Т.е. происходит «обман» ожиданий, сложившихся у реципиента.